

Наконец-то оторвавшись от преследователей, Чэнь Хэмин взглянул на время и поспешил сменить маршрут, направляясь к цели.

Торопливо шагая и убедившись, что теперь за ним никто не следит, он наконец смог позволить себе поворчать в общении с 0937:

— Что вообще происходит с Чу Иваном? Он что, слежку за мной установил? Если бы не ты, наше задание сегодня точно было бы провалено.

Пухлое тельце 0937 сердито раздулось:

— Маленький пушечное мясо прав, Чу Ивань просто ужасен! Чуть было не заставил 0937 получить штрафные баллы!

Чэнь Хэмин тоже ломал голову. По логике, единственным связующим звеном между ним и Чу Иваном был Нао-Нао. Теперь, когда он забрал ребенка, два человека, чьи жизненные пути разошлись столь кардинально, должны были навсегда перестать общаться. Но Чу Ивань словно с цепи сорвался: приставил к нему людей, чтобы те ходили по пятам. Из-за этого Чэнь Хэмин последние дни не мог расслабиться ни на секунду, опасаясь выдать себя и разрушить созданный образ.

Неужели он боится, что я тайком навещу Нао-Нао? Но ведь Чу Ивань сам приглашал меня к нему, и это не было похоже на пустую вежливость. Может, я где-то допустил оплошность и он раскусил, что я пришелец? Чэнь Хэмин никак не мог найти разумного объяснения.

На пути домой с работы у Дань Ниншэна был короткий маршрут, однако фонари там давно перегорели, а вокруг царило запустение. Место было небезопасным, там изредка можно было встретить лишь бродяг или пьяниц, поэтому обычно он старался там не ходить.

В тот день он выбрал эту дорогу только потому, что бабушка Сун внезапно уехала, и Нао-Нао два вечера оставался дома один. Переживая за ребенка, он решил срезать путь — кто же знал, что это станет роковой ошибкой, которая погубит его и косвенно приведет к смерти Нао-Нао.

В точности повторяя действия оригинала в тот самый момент, Чэнь Хэмин вошел в переулок, стараясь избежать любых неожиданностей.

— Я сказал остановиться, оглох, что ли? — крикнул кто-то, попутно нанося удар ногой под колено юноше. От боли тот едва не рухнул на землю.

С трудом удержавшись на ногах, юноша в лунном свете разглядел в руках у здоровяка, который был на голову выше него, сверкающее лезвие ножа. Даже те крохи крови, что оставались на его лице, мгновенно схлынули.

— Да кому нужны твои гроши, трус несчастный! — хмыкнул пьяница, икнул и зачем-то включил фонарик на телефоне.

— Эй, стоять! — раздался за спиной Чэнь Хэмина пьяный, хриплый голос, полный жестокости.

— Черт! — выругался обладатель хриплого голоса, в несколько широких шагов настиг юношу и вцепился в его воротник.

Хрупкая, тонкая фигура юноши вздрогнула. Он не посмел обернуться, но шаги не прекратил,

лишь ускорился, пытаюсь выбраться наружу.

Удар пришелся точно в живот. Юношу, который никогда не утруждал себя тренировками, сбilo с ног. Его безупречная белая рубашка мгновенно покрылась грязью, а сам он выглядел совершенно беспомощным.

— В полицию собрался? В этой дыре никто не придет, даже если ты здесь подохнешь. А если кто-то и заявит, мне плевать! Пока они приедут, я уже успею тебя прикончить!

— Не бойся, фонари здесь давно не работают, а на улице темно, я твоего лица не разгляжу.

— Что тебе нужно? — юноша сглотнул, голос его дрожал. — Все деньги у меня в кармане, забирай, если хочешь.

Свет фонарика, направленный прямо в лицо, ослепил его, и он инстинктивно отступил на шаг:

— Чего ты добиваешься? Здесь хоть и глухо, но люди иногда проходят. Осторожно, увидят — полицию вызовут!

Юноша выкрикнул предупреждение, но, похоже, попал пьянице в самое больное место: последовал еще один удар ногой.

Как и ожидалось, на выходе из переулочка путь юноше преградили.

— Ах ты, белобрысый! Работаешь в баре на побегушках, решил, что раз мордашка смазливая, так можно клеиться к моей женщине? Посмотри на себя, нищелрод, ты хоть достоин этого? Ну и что, что лицо красивое? Я тебя одним ударом в кашу превратил! Надо было ту дрянь сюда притащить, пусть бы посмотрела, как ее любимчик превращается в урода...

Здоровяк, похожий на медведя, с перекошенным от ярости лицом, в котором смешались пьяный угар и гнев, продолжал осыпать юношу ударами. Казалось, он вознамерился забить его до смерти.

— Я не приставал к ней, ты ошибся человеком... — поначалу юноша пытался сопротивляться, но разница в силе и комплекции была слишком велика, да и преимущество первого удара было у врага — шанса на контратаку или побег не было.

Объяснения не помогали. С каждым словом юноши удары становились лишь тяжелее. В конце концов он замолчал, свернувшись калачиком и прикрывая голову руками, стараясь защитить жизненно важные органы. Он в отчаянии ждал, когда пьяница выдохнется — если к тому времени он еще будет в сознании, возможно, удастся вызвать скорую.

Неизвестно, сколько прошло времени, но нападавший, похоже, устал. Он тяжело дышал, прислонившись к стене.

Видимо, интенсивное движение помогло ему немного протрезветь. Увидев следы от ботинок на теле юноши и кровь в уголках его губ, пьяница окончательно пришел в себя.

Гнев отступил, уступив место панике.

Юноша смутно слышал его сбивчивое бормотание:

— Что делать? Перед тем как бить, я ведь включил фонарик, он точно запомнил мое лицо! Судя

по тому, как этот бедняга выглядит, он точно получил тяжелые травмы. Если завтра он пойдет в полицию, я сяду в тюрьму. Работы лишусь, как платить кредит за машину, ипотеку, как быть с родителями...

От этих истеричных слов юноше стало холодно. Он собрался с силами и прошептал:

— Нет... — он не будет заявлять в полицию, только, пожалуйста, не надо...

Слабый звук достиг ушей нападавшего. Рука мужчины, сжимавшая рукоять ножа, дрогнула, а затем медленно сжалась сильнее.

— Все равно тут никого нет, камера сломана. Лучше покончить с этим, чем оставлять свидетеля.

Приняв решение, мужчина поднял нож, собираясь нанести решающий удар.

— Остановись!

— Бах!

Чэнь Хэмин не дождался свиста лезвия, вместо этого он услышал голос Чу Ивана, а затем глухой звук падения тяжелого тела.

— Ты... ты кто такой? Не лезь не в свое дело, иначе я и тебя... — противный голос зазвучал снова, но прежде чем он успел закончить, мужчина с ледяным выражением лица нанес еще один мощный удар ногой, мгновенно отправив нападавшего в нокаут.

Глядя на избитого юношу, Чу Иван почувствовал, как сердце сжалось от боли. Дрожащими руками, стараясь не задевать места, покрытые следами от ботинок, он поднял юношу, словно хрупкую фарфоровую куклу.

— Господин Чу, машина уже ждет снаружи, — помощник, который долго кружил по округе, наконец подоспел. Увидев в объятиях босса жалкое состояние юноши, он тут же добавил: — Я связываюсь с больницей, пусть готовят лучших специалистов.

Чу Иван осторожно вытер кровь с губ юноши, чувствуя его слабое дыхание. Его взгляд задержался на лице, которое было белее снега, и в душе впервые шевельнулся настоящий страх.

Тот зверь уже занес нож, а юноша был совершенно беззащитен. Если бы он опоздал хоть на пару секунд...

От одной этой мысли у Чу Ивана перехватило дыхание, и он не посмел додумывать.

— Разберись с этим мусором позади.

— Понял!

В объятиях Чу Ивана юноша, казалось бы, без сознания, испытывал совсем иную печаль:

— 0937, ты прав, нам не стоило лезть не в свое дело!